

ЧЕХОВ И ШАЛЯПИН

Вестник пер. - пер. - 1993 -
мил. (w s) - с. 6.

ДВА

Е. П. Пешкова, О. Л. Книппер, А. М. Горький. Снимок сделан на сцене
Художественного театра в 1900 году.

Великого русского писателя Антона Павловича Чехова с Вятской землей связывали десятки привязанностей. Он знал много лет Васнецова, восхищенно любил Чайковского. Не забудем, что и женат-то он был на Вятской уроженке Ольге Книппер. Одним из задушевных друзей его был и Федор Иванович Шаляпин.

В переписке Чехова имя Шаляпина появляется только в 1898 году. Однако знали они друг о друге и раньше.

В середине девяностых годов после перерыва и в новом качестве возобновила спектакли частная опера С. И. Мамонтова. Впервые Мамонтов затеял частную оперу за десять лет до этого. Чехов, тогда только что окончивший университет, молодой озорной сотрудник мелкой прессы писал 2 февраля 1895 года в «Осколках»:

«...и теперь Москва кроме неудовлетворительной казенной оперы имеет еще и плохую мамонтовскую. Все поражает в новой опере, но ничто в ней так не поразительно, как количество ухлопанных на нее денег. Обстановка шикарная. Декорации, писанные гг. Васнецовым, Яновым и И. Левитаном, великолепны, костюмы, какие на казенной сцене и не снились, оркестр подобран умело и дирижируется очень сносно, но зато певички и певички — унеси ты мое горе!»

На новом витке Мамонтовская опера приобрела прекрасных певцов. И среди них — молодой бас Федор Шаляпин.

В то время, когда Чехов наслаждался прелестями Мелиховского лета и писал свою «Чайку», в Москве произошло событие, которому тогда никто не придавал значения. Из Петербурга вслед за любимой девушкой приехал Федор Шаляпин. Он уже был оперным певцом, но о нем писали еще насмешливо: неуклюж, на сцене кривляется, голосом владеет неважно. В Москве Шаляпина увидел Мамонтов и пригласил в свой театр. Туда уже поступила балерина Иола Торнаги, которую Шаляпин любил.

И вот Федор Иванович — артист частной оперы. 7 октября 1896 года он поет Мельника в «Русалке». Наташу поет Варя Эберле. 5 ноября премьера оперы «Лакме»: Шаляпин — Нилаканта, Эл-

лен — Варя Эберле. 26 ноября — «Князь Игорь». Ярославна — Варя Эберле, Вл. Галицкий — Шаляпин. В декабре состоялась знаменательная премьера в Мамонтовской опере — «Псковитянка», положившая начало сотрудничеству с Римским-Корсаковым. Оформил спектакль Виктор Михайлович Васнецов. «Русское слово» писало 11 декабря:

«В Солодовниковском театре третьего дня проходила генеральная репетиция «Псковитянки», идущей в четверг в пользу пенсионного фонда кассы взаимопомощи литераторов и ученых. Костюмы и декорации безукоризненны. Г. Шаляпин, как артист и как певец, дает в роли Грозного интересную, захватывающую сценическую фигуру. Г-жа Эберле прекрасно исполняет главную партию...»

А в том самом марте, когда Чехов попал в больницу, Шаляпин вместе с Варварой Аполлоновной Эберле и А. Секар-Рожанским уехал в концертную поездку по России: Нижний Новгород — Ярославль — Казань — Воронеж — Харьков — Полтава. Вернулись они почти через месяц.

Варя Эберле была близким другом Лики Мизиновой. Они вместе жили в Париже, учились пению. И в Москве были дружны. Варвара Эберле часто бывала в доме Чехова, дружила с сестрой и братьями. Чехов в письмах к Мизиновой постоянно спрашивал: где Варя? Как Варя?

Лика писала из Парижа Чехову в декабре 1894 года, после того, как у нее произошел разрыв с писателем Потапенко: «Сыро, холодно, чудно! Без Вари я совсем чувствую себя забытой и отвергнутой!» А Чехов еще раньше писал то ли в шутку, то ли сердясь:

«Милая Лика, когда из Вас выйдет большая певица и Вам дадут хорошее жалованье, то подайте мне милостыню: жените меня на себе и кормите меня на свой счет, чтобы я мог ничего не делать. Если же Вы в самом деле умрете, то пусть это сделает Варя Эберле, которую я, как Вам известно, люблю».

Т. Л. Шепкина-Куперник считает, что Чехов изобразил Варю Эберле в «Чайке» в образе Машки — с ее привычкой нюхать табак и «пропускать рюмочку».

«Стройная девушка с фигурой Дианы» — так называла ее Татьяна Львовна. Она вспоминала:

«Большим украшением наших вечеров было пение Эберле. У нее был очень приятный тембр, прекрасно обработанный голос... и она очаровательно пела русские песни. Выросшая в русской деревне, она, несмотря на свою нерусскую фамилию (какой-то прапрадед был швейцарец), была исконно русской девушкой, и когда она пела свои песни — стены моей небольшой комнаты точно раздвигались... Слушать ее очень любил Антон Павлович. Она сама себе аккомпанировала на балалайке, которой владела в совершенстве. На этой балалайке все мы сделали ей надписи, был там и автограф Чехова».

Варвара Аполлоновна была близким семейным другом Чеховых и Шаляпиных. В январе 6-го Мария Павловна писала Антону Павловичу: «Лика заложила землю и вместо пения открывает теперь модную мастерскую. Я страшно против этого — мне даже жутко становится, когда она говорит об этом. Но ее друзья, как то: Варя, Шаляпина и др., советуют ей, конечно, не зная ее характера...» Чехов, впрочем, одобрял это намерение Лики.

Осенью того года, когда Шаляпин и Эберле путешествовали по России, Чехов из Ниццы снова спрашивал Мизинову о Варя: «Где Варя?.. Из Вашего письма я понял, что она уже не служит у многоуважаемого Саввы Ивановича. Почему? Напишите мне подробнее».

Значит, Чехов следил за творчеством нового театра, интересовался им с пристрастием. Не может быть, чтобы не слышал Шаляпина!

А Федор Иванович знал произведения Чехова уже давно. Еще в 1893 году, когда он пел в Тифлисе, он мог видеть два водевиля

Чехова, ибо пел в тех же концертах. 6 апреля в Тифлисском музыкальном кружке представление: во II концертном отделении пел Шаляпин, а III отделение — водевиль «Медведь». 7 апреля наоборот — сначала водевиль «Предложение», а потом концерт с участием Шаляпина.

Пока Чехов лечился в Ницце, его сестра Мария Павловна встречалась с Шаляпиным. 24 января 1898 года Шаляпин присутствовал на субботнем вечере Московского общества любителей художеств вместе с И. Левитаном, К. Коровиным, М. Чеховой, Л. Мизиновой и др.

Чехов вернулся в Россию только весной 1898 года. Весьма знаменательный год в нашей культуре. Немирович-Данченко и Станиславский задумали и уже приступили к созданию нового театра. С этого времени по сути дела Чехов становится преимущественно драматургом и театральным деятелем.

Когда Антон Павлович приехал в Мелихово, его ждало письмо от Вл. И. Немировича-Данченко, в котором он просил разрешения ставить Чеховские пьесы. Все лето они встречались, говорили о новом театре, о репертуаре. А осенью Чехов побывал на нескольких репетициях. Там он увидел впервые и Ольгу Книппер.

В сентябре болезнь погнала Чехова снова на юг, в Крым. В один из первых же дней после приезда в Ялту Чехов написал брату Ивану: «Здесь Мирон, поэт Бальмонт и Шаляпин».

Встреча Чехова с Шаляпиным была событием феерическим. О ней вспоминали и писали многие. Шаляпин к тому времени стал уже прекрасным артистом. Все лето с ним занимался С. В. Рахманинов, помогал ему не только чисто музыкально, но и человечески, развивал и воспитывал хороший вкус, чувство меры. Вместе с Рахманиновым Шаляпин, Секар-Рожанский и еще

несколько певцов приехали на гастроль в Ялту.

17-го сентября Чехов был на концерте в Гурзуфе.

КОРНЕЙ ЧУКОВСКИЙ ИЗ ДНЕВНИКА

ОН БЫЛ
ВЕСЕЛЫЙ ЧЕЛОВЕК.
И ВОСПОМИНАЮТ ЕГО
С ЮМОРОМ.

1914 год. Около 10 февраля.

...На следующий день... приехал Шаляпин, с собакой и с китятцем Василием. Илья Еф. (Репин) взял огромный холст — и пишет его в лежачем виде...

Со своей собакой очень смешно разговаривал по-гуцуки. Быстро, быстро. Перед близкими мы катались по заливу, я на подкуке, он на коньках. Величественно, изящно, как лорд, как Гете на картине Каульбаха — без усилий, руки на груди — промахал он версты 2 в туманное темное море, садясь так же величественно отдыхать...

...Говорит о себе уносно — сам любит себя и наивно себе удивляется. «Как я благодарен природе. Ведь могла же она создать меня ниже ростом или дать скверную память или впалую грудь — нет, все, все свои силы принажила к тому, чтобы сделать из меня Шаляпина!»

16 февраля, воскресенье.

...Рассказал о своей собаке, той самой, которую Репин написал у него на коленях, что она одна в гостиную внесла ночной горшок. — И еще хвостом машет победоносно, каналья!

Говорил монолог из «Наташки-Полявки». Первое действие. Напевал: «и шумить, и гудить». — Одна артистка спросила меня: Ф. И., что такое ранняя урна — в «Евгении Онегине»?

— А это та урна, которая всякому нужна по утрам.

Показывал шалыпистку: — Ах, Ф. И., куда вы едете? — В Самару? — Я тоже поеду в Самару... 29. ...Откуда я «Демона» своего взял? Вспомнил вдруг деревню, где мы жили под Казанью; бедный отец был писец в городе, каждый день шагал верст семь туда и верст семь обратно. Иногда писал и по ночам. Ну вот, я лежу на полках, а мама прядет и еще бабы. Ну так вот, я слышу: бабы разговаривают:

— Был Сатанаил, ангел. И был черт Миха. Миха — добродушный. Украл у Бога землю, насовал себе в рот и в уши, а когда Бог велел всей земле произрастать, то и из ушей, и из носа, и из рта у Микхи лопух порос. А Сатанаил был красавец, статный, любимец Божий, и вдруг он взбунтовался. Его вниз тормашками — и отняли у него окончание ИЛ, и передали его Михе.

Так из Микхи стал Михаил, а из Сатанаила — Сатана. Ну и я вдруг, как ставил Демона в свой бенедикт — вспомнил это, и костюм был готов. Нужно было черное прозрачное, но чтобы то тут, то здесь просвечивало золото, поверх золота надеть сутану. И он должен быть красавец со следами бывшего величия, статный, как бывший король...

1919 год. 5 января, воскр.

...В эту пятницу у нас было во «Всемирной Лит.» заседание — без Тихонова. Все вели себя, как школьники без учителя. Горький вообще всех сидел, сидел — и вдруг засмеялся. — Прошу прощения... ради Бога извините... господа... (и опять засмеялся) я ни об ком из вас... это не имеет никакого отношения... Просто

Федор Шаляпин вчера вечером рассказал анекдот... ха-ха-ха... Так я весь день смеюсь... Ночью вспомнил и ночью смеялся... Как одна дама в обществе вдруг вежливо сказала: извините, пожалуйста, не сердитесь... я сейчас заржу... и заржала, а за ней и другие... Кто злится, кто робко... Удивительно это у Шаляпина, черт его возьми, вышло...

ЧТО ЛЮБИЛ ФЕДОР ШАЛЯПИН

В 1924 году мы всей семьей поехали в Париж на свидание к отцу, который гастролировал во Франции... Сели ужинать... отец вдруг сказал:

«До чего же мне надоели все эти деликатесы и разное «пти-фуры». Поел бы я сейчас хороших щей с гридинкой, абы и «вятских рыжиков», а потом попил бы чаю с молоком; вот кабы сейчас стояла на столе крынка с красноватым топленым молоком и дакой, знаете ли, корицей-вой корочкой, и непременно бы разливала молоко деревянной ложкой!»

Из воспоминаний
дочери Шаляпина
Ирины Федоровны.

СЕРГЕЙ КОНЕНКОВ фрагменты воспоминаний

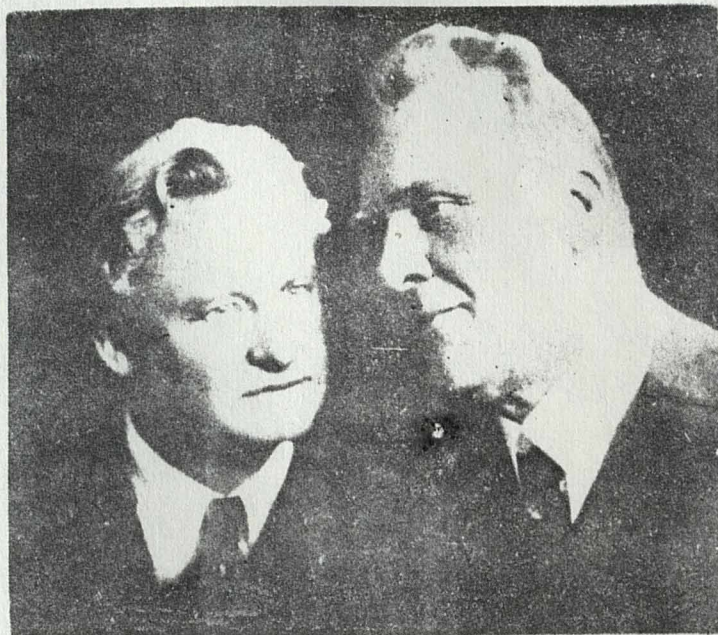
...в грудном 1922 году ко мне на Пресню, на ужин с жареными зайцами (невзданная дышковка по тем временам!) был приглашен Федор Иванович Шаляпин.

...Шаляпин очень запаздывал, и за ужин сели, не дожидаясь его. Когда от зайцев остались одни косточки, появился Федор Иванович. Он с комическим сожалением посмотрел на ворох костей и с шутилкой грустно сказал: «Братцы, это же не зайцы, а мечта о зайцах». Все же кое-что собрали, и пириество продолжалось уже с Шаляпиным. Внутренних спиритов в бутылки из-под керосина. Шаляпин выпил стаканчик и сказал вопросительно:

— Керосином пахнет. Не горит?

...И вдруг мощный хор голосов, будто сговорившись, закричал: «Федор Иванович, «Дубинушку!» Когда он заел, мы все подхватили. Было необычайное волнение и воодушевление. Радовались, кричали: «Ура, Шаляпин! Ура, Федор Иванович!»

А «управитель» дома дядя Григорий Карасев пришел в полный восторг и, леги у ног Федора Ивановича, тоже кричал «ура» и со слезой в голосе признавался: «Ну вот, теперь я видел и слышал поистине великого артиста. Спасибо, Федор Иванович, никогда вас не забуду!»

В 1934 году Ф. И. Шаляпин посетил Каунас, где встретился и сфотографировался с известным литовским певцом Кипрасом Петраускасом — впоследствии народным артистом СССР.

ВЕЛИКАНА

Вот что писал И. А. Бунин в воспоминаниях о Шалыпине:

«...Помню, например, как горячо хотел он познакомиться с Чеховым, сколько раз говорил мне об этом. Я наконец спросил:

— Да за чем же дело стало?

— Да за тем, — отвечал он, — что Чехов нигде не показывается, что все нет случая представиться ему.

— Помилуй, какой для этого нужен случай? Возьми извозчика и поезжай.

— Но я вовсе не желаю показаться ему нахалом! А кроме того, я знаю, что я так оробею перед ним, что покажусь еще и совершенным дураком.

— Ну, полно, это ты сейчас дурака валяешь.

— Бог свидетель, нисколько не валяю. Вот если б ты свез меня как-нибудь к нему...

Я не замедлил сделать это и убедился, что все было правда: войдя к Чехову, он покраснел до ушей, стал что-то бормотать. А вышел от него в полном восторге:

— Ты не поверишь, как я счастлив, что наконец узнал его, и как очарован им! Вот это человек!

21-го сентября Чехов писал Мизиновой:

«Милая Лика, Вы легки на помине. Здесь концентрируют Шалыпин и С-Рожанский, мы вчера ужинали и говорили о Вас... У Немировича и Станиславского очень интересный театр. Прекрасные актрисочки. Если бы я остался еще немного, то потерял бы голову...»

Когда все уехали из Ялты, Чехов особенно остро почувствовал одиночество. В Москве жизнь кипела, была ключом. Художественный театр потрясал умы и сердца.

А вскоре посыпались письма и телеграммы. Из Москвы писали о потрясающем успехе «Чайки». Шалыпин прислал длинную телеграмму: «Вчера смотрел «Чайку» и был подвигнут, унесен в неведомый доселе мне мир. Спасибо, дорогой Антон Павлович, спасибо. Как много в этой маленькой птичке содержания! Искренне, от всей души целую создателя необычайного произведения, которое поставлено Художественным театром удивительно хорошо. Федор Шалыпин».

Только на следующий год Чехов смог приехать в Москву. И сразу возобновились старые знакомства.

С Шалыпиным дружба крепла. Чехов следил не только за его творчеством, но и знал семейные дела. Он написал в Ялту К. М. Иловойской 20 мая 1899 года:

«В своем последнем письме, говоря о знаменитостях, я пропустил Шалыпина и Урусова. Первый был у меня два раза. Он помолодел, похорошел, стал родителем (его жена — итальянка произвела на свет сына), поступил на казенную службу».

У Шалыпина родился сын Игорь, и Федор Иванович стал певцом Большого театра.

Болезнь Чехова усилывалась, жить подолгу в Москве он не мог. Но в те нечастые недели, когда ему удавалось пожить среди друзей, он с радостью отдавался прекрасной атмосфере истинного творчества, которая окружала и Художественный театр, и Васнецова, и Шалыпина.

На следующий год, когда Чехов жил снова в Ялте, в апреле туда приехал Шалыпин. Жил он у Алексина вместе с Горьким. Они вместе с Гольденвейзером бывали у Чехова. Там же в это время бывали И. Бунин, С. Скиталец, Вл. Немирович-Данченко, Н. Телешов. Мария Павловна сопровождала Шалыпина. Пел он у Чехова много и охотно.

Телешова Чехов уже тоже знал довольно давно. Бывал он на знаменитых Телешовых «средах», где часто бывал, и в сущности был одним из основателей этих собраний, Аполлинарий Васнецов.

Телешов вспоминал:

«...Хотя Чехов жил в Ялте, но

всегда интересовался кружком и требовал, чтобы я писал ему о наших новостях. Рядом с серьезными и деловыми беседами у нас допускались и шутки. Так, в одну из зим появились у нас шуточные прозвища нашим постоянным товарищам. Но прозвища эти дозволялось выбирать только из существующих названий тогдашних улиц, площадей и переулков, это называлось у нас «давать адреса».

Например, писателю Гославскому за его обычное безмолвие во время споров дали название «Большая Молчановка», а другого товарища, наоборот — за пристрастие к речам прозвали «Самотека». Старику Златовратскому дан был сначала адрес: «Старые Триумфальные ворота», но потом переименовали на «Патриаршие пруды». Редактору «Русской мысли» Гольцеву дали адрес: «Девичье поле», но вскоре изменили на «Бабий городок». Тимковский назывался «Зацеп», театральный критик Сергей Глазголь был «Брехов переулком», а Шалыпин был «Разгуляй». Бунин, отчасти за свою худобу, отчасти за остроту, от которого иным приходилось болеть, назывался «Живодерка», а кроткий Белоусов — «Пречистенка», Вересаев — за твердость взглядов был «Каменный мост», Серафимович за свою лысину назывался — «Кудрино», Куприн, за пристрастие к лошадям и к цирку — «Конная площадь», а только что начинавший тогда Леонид Андреев получил адрес: «Большой Новопроктированный переулком»...

Над этими адресами, помню, потешался и хохотал Чехов, когда однажды в его ялтинском кабинете я докладывал ему о них, как о новинках только что минувшего сезона.

— А меня как прозвали? — с интересом спрашивал Антон Павлович, готовясь смеяться над собственным адресом.

— Вас не тронули. Вы пока без адреса.

— Ну, это жалко! — разочарованно говорил он. — Это очень досадно. Приедете в Москву, непременно прозовите меня. Только, пожалуйста, без всяких церемоний: чем смешнее, тем лучше...

Когда он узнал, что Миролубову, издателю «Журнала для всех», за его колоссальный рост дали адрес: «Каланчевская площадь», то с улыбкой заметил:

— Вот Глеб Успенский его тоже великолепно окрестил. Совершенно невероятным именем, но метко: «Пирамидальный буйвол» — вот это сказано!

Здесь на этих «Средах» Аполлинарий Васнецов бывал не только как художник, но и в качестве беллетриста со своими рассказами.

И Шалыпину, когда он впервые здесь пел, еще неизвестным юнцом, не аплодировали, а тоже возглашали дружным хором свое обычное одобрение:

— Правильно пущено!

И это было лучшей похвалой, более ценным и сердечным «Спасибо», чем заурядные рукоплескания.

Слава Чехова все росла. На его пьесы трудно было попасть в театр. Многотысячными тиражами выходили книги, и быстро раскупались. Но здоровье все ухудшалось.

Лето 1902 года он провел в Любимовке на даче Станиславского. Осенью он писал Шалыпину:

«Дорогой Федор Иванович, я все ждал Горького, чтобы вместе отправиться к вам, и не дождался. Недуги гонят меня вон из Москвы. Первого марта приеду опять, и тогда явлюсь к Вам, а пока — да хранят Вас ангелы небесные! Фотографию пришлите в Ялту».

С Шалыпиным в Москве они виделись. Есть свидетельство, что Шалыпин, Горький, Чехов, Бунин, Скиталец были 5-го ноября в МХТ на премьере «Власти тьмы».

На письмо Чехова Шалыпин ответил:

«Дорогой Антон Павлович! Адски досадно мне, что не пришлось еще разок посидеть с Вами, проклятая «бенефисная» работа затрепала всякую мою свободную минуту, — жалко, жалко, но что же поделаешь...»

Сердечное спасибо Вам за портрет. Я очень счастлив, что получил его. Уверю, что это было в «мечтах» моих.

В свою очередь посылаю Вам мой, похожий на «бандуру». Лучшего, к сожалению, не нашлось».

На фотографии Шалыпин написал:

«Любимому Антону Павловичу Федору Шалыпину».

В эти дни квартиру Ф. И. Шалыпина буквально осаждали сотни человек, они жаждали билетов на бенефис Шалыпина.

Бенефис состоялся 3-го декабря. Шалыпин пел партию Мефистофеля в одноименной опере Арриго Бойто.

Чехов был уже в Ялте. Вечером в день бенефиса он получил телеграмму: «Сидим у Тестова и гуртом радостно пьем здоровье дорогого Антона Павловича Шалыпина, Андреева, Горький, Серов, Коровин, ...Марья Чехова, Кунда-сова, Бунин».

Наступал 1903 год, последний творческий год в жизни Чехова. Он писал «Вишневый сад».

В декабре 1902 года в МХТ состоялась премьера «На дне». Ольга Леонардовна на следующий день написала Чехову:

«После театра ездили в «Эрмитаж» по приглашению Горького. Из дам была я и Мария Федоровна (Андреева) только и масса мужчин... Были Шалыпин, Собинов, ...Алексин и наши. Шалыпин рассказывал анекдоты, но не сальные, а до боли хохотала. Какой он талантливый! Пел он тоже, пел чудесно, широко, с захватом. Рассказывал о сотворении мира; о том, как поп слушал оперу «Демон», как дьякон первый раз по железной дороге ехал; как армянин украл лошадь, но оправдался: лошадь, говорит, стоит поперек улицы, а улица узенькая, я мимо морды: кусает, я мимо зада: лягает, я через нее, а она тут-то и убежала, значит, она меня украла, а не я ее. Это очень комично, с армянским акцентом... Шалыпин просил тебя очень поцеловать, куда попало, — так и велел написать... Собирался он постом в Египет. Говорил он речь, копируя Горького».

16 января в Большом театре прошел «Демон» в бенефис Шалыпина. «Такого великопленного, глупо задуманного Демона у нас не было. Его слушали с затаенным дыханием и смотрели, не отрываясь от биноклей. Все свои нумера артисту пришлось повторять. После второго акта овациям по адресу г. Шалыпина не было конца...» Так писали «Московские ведомости» на следующий день.

Наступил год 1904, трагический год для русской культуры.

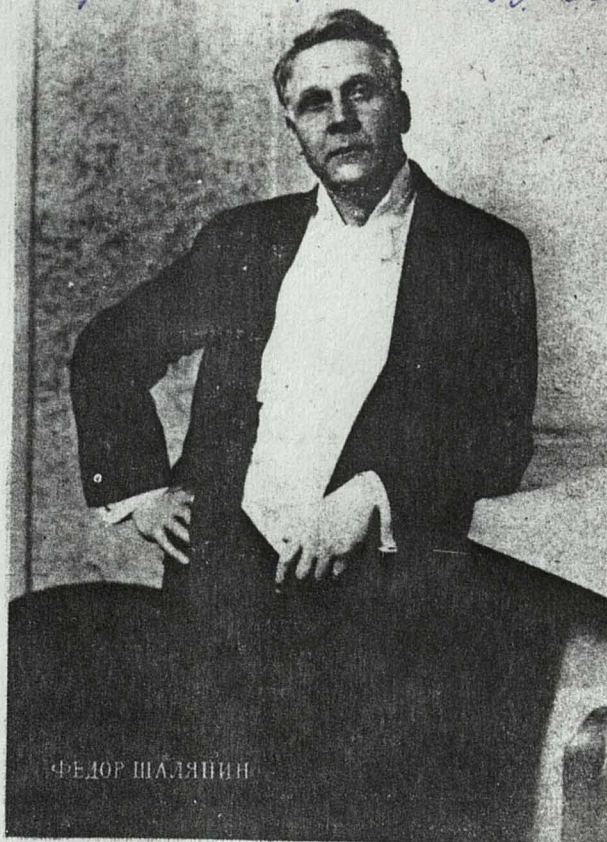
Сумбатов-Южин вспоминал:

«В последний раз я с Чеховым виделся за несколько дней до представления «Вишневого сада» на бенефисе Шалыпина в Большом театре. Шел «Демон». На мой взгляд, он тогда выглядел несколько не хуже, чем двумя-тремя годами раньше».

17 января в Московском Художественном театре состоялась премьера «Вишневого сада». Это первая премьера в этом театре, на которой был сам Чехов, да к тому же в день своего рождения. Устроили чествование любимого автора. Были речи, поздравления, подарки. Чехов и всегда-то недолюбливал такие ситуации, а тут еще болезнь. Он с трудом стоял на сцене, мучительно страдал от того, что пьесу прервали, и полного впечатления зрители не получают. А ведь в зале была, что называется, вся Москва.

В это же время друзья Чехова во главе с Горьким затеяли расторгнуть его договор с А. Ф. Марксом о продаже сочинений Чехова в полную собственность издателя. Чехов очень переживал возню вокруг этого договора. Сам-то он твердо придерживался правила: назвался груздем — полезай в кузов. Молодые и более здоровые товарищи настаивали, телеграфировали, просили. Чехов со всей мерой деликатности уклонялся от этого. Но письмо А. Ф. Марксу было все же написано. Его подписал и Шалыпин.

И вот знаменательное 17 января 1904 года.

ФЕДОР ШАЛЫПИН

Немирович-Данченко позднее писал:

«Успех Чехова был громадный, а успех спектакля был средним».

В газете «Русское слово» уже полсе смерти Чехова появилась заметка некоего Д. «Шалыпин о Чехове». Вот что там сообщалось: «За ужином после первого представления «Вишневого сада» Ф. И. Шалыпин сказал небольшую речь... Приводим маленькую речь Шалыпина своими словами, но как можно ближе к подлиннику:

«Господа! Говорят, что у человека пять чувств: слух, зрение, вкус, обоняние, осязание. Это неправда. У человека есть еще одно чувство — пошлость. И сильное чувство! Человек смотрит и видит не то, что слышит его ухо, — а то, что слышит его пошлость. Пусть вокруг самые лучшие произведения искусства, пусть вокруг раздаются самые лучшие слова, — он воспримет это всей своей пошлостью, и все это передается его уму опошленное. Даже там, где нет ничего пошлого, — он увидит пошлость, так сильно это чувство, которое он видит и слышит! И во всем то найдет человек себе пошлость. И одной сплошной пошлостью сделает всю жизнь свою. Никто так ясно не открывал в человеке этого шестого могучего чувства, как Антон Павлович. Никто с такой жалостью к человеку не обрисовал этого чувства — как он».

С оценкой Немировича-Данченко не все были согласны. М. В. Нестеров писал критику и другу А. А. Турыгину 22-го января 1904 года. Известно, что Нестеров был на премьере.

«Теперь несколько слов о «Вишневом саде» и «Демоне» с Шалыпиным. Эти два спектакля были, во всяком случае, наиболее интересными номерами моего пребывания в Москве, и представь — Чехов в моем представлении художества одержал верх...»

«Вишневый сад» — это прекрасная, трогательная поэма отживающего старого барства с его безалаберностью, непрактичностью, красивым укладом, с вишневым садом, со старыми слугами-друзьями...»

Пьеса имела успех огромный. Огромный же успех имел и Шалыпин в «Демоне», великолепно звучащий голос, грим и костюм по Врубелю, декорации Кости Коровина, все это привело Москву (была вся Москва, ложи были по 400 р) в восторг. Но я сильно устал и не мог воспринять всего, что дал этот удивительный художник, настолько устал, что не мог воспользоваться приглашением Ф. И. и поужинать у него после бенефиса в обществе гг. Дорошевичей, Ленек Андреевых, Скитальцев...»

Конец жизни Чехова был тесно переплетен с жизнью Шалыпина. Эти два имени вызывали наибольший интерес, о них писали, говорили, спорили, знакомств с ними искали. Им даже суждено было поселиться в одном доме. Чехов так и указывал свой новый адрес: «Леонтьевский пер., д. Катик. Это там, где живет Шалыпин». (12 ап-

реля А. И. Зальца, 27 апреля К. П. Пятницкому) или так: «в Леонтьевском переулке (д. Катик, где живет великий Шалыпин)». (20 апреля В. М. Соболевскому). Но видеться им больше не пришлось.

Дружба семьи Чеховых с Шалыпиным и его семьей сохранялась много десятков лет.

Дочь Шалыпина Ирина писала: «Я с детства привыкла видеть на письменном столе у своего отца чеховский портрет».

Племынница Антона Павловича Евгения Михайловна Чехова вспоминала о 1917 году:

«Лето 1917 года... Все Чеховы собрались тогда в Мисхоре на даче Марии Павловны... Мария Павловна с матерью, семья Ивана Павловича и наша семья...»

В то же лето на минхорском берегу жила семья Федора Ивановича Шалыпина: его жена Иола Игнатьевна, два сына — Боря и Федя и три дочери. Старшие, Ирина и Лида, были в то лето моими подругами...

Мой родной брат, Сережа, в 1917 году окончил среднее училище. Но еще раньше Мария Павловна... распознала в Сереже художественный талант и устроила его в студию Званцевой. Рисовал он тогда, конечно, еще по-детски, неуверенно. Он сам вспоминал, как однажды в доме Марии Павловны пытался нарисовать с натуры Шалыпина. Федор Иванович, увидев рисунок, сказал: «Не так». «И, взяв карандаш, — рассказывал брат, — прошелся прямо по моему робкому рисунку своим смелым, могучим штрихом».

Как ни тяни, а все же приходится говорить о смерти.

«Вот и похоронили мы Антона Чехова, дорогой мой друг. Я так подавлен этими похоронами, что едва ли сумею толково написать тебе о них...»

От Николаевского вокзала до Художественного театра я шел в толпе и слышал, как говорили обо мне, о том, что я похудел, что у меня смешное пальто, шляпа обрызгана грязью, что я напрасно ношу сапоги, что грязно, душно, что Шалыпин похож на пастора и стал некрасив, когда остриг волосы; говорили обо всем — собирались в трактиры, ко знакомым — и никто ни слова о Чехове. Ни слова, уверяю тебя...

Над могилой ждали речей. Их почти не было. Публика начала строптиво требовать, чтобы говорил Горький. Везде, где я и Шалыпин являлись, мы оба становились сейчас же предметом упорного рассматривания и ощупывания...

Не хотелось слышать, хотелось какого-то красивого, искреннего, грустного слова, и никто не сказал его. Было нестерпимо грустно. Шалыпин — заплакал и стал ругаться: «И для этой сволочи он жил, и для нее он работал, учил, упрекал». Я его увел с кладбища. И когда мы сядили на лошадь, нас окружила толпа, улыбалась и смотрела на нас. Кто-то — один на тысячу! — крикнул: «Господа, уйдите же! Это неприлично!» — они, конечно, не ушли. (Горький — Е. П. Пешковой 11 или 12 июля 1904 г.)